

Елена Шелестова

Вечная тема

Так первоначально назывался проект, о котором речь пойдет ниже.

В Одесском музее западного и восточного искусства открыта резонансная выставка произведений живописи, стыкующейся с графикой, коллажем и выразительно интонированной видеоинсталляцией. Ее автор – художник из Черногории Божидар Милович (род. 1958 г.). Это его первая персональная выставка в этом музее после той, в которой он участвовал в 2003 году в составе коллектива, одновременно курируя

ее. Уже с того времени художник запомнился как яркий «впередсмотрящий» представитель модернизма, форпостом которого Югославия зарекомендовала себя еще в середине XX века, будучи наряду с Польшей «ревизионистской» страной в составе социалистического лагеря, служа своеобразным маяком для диссидентов других соцстран как в области политики, так и в области культуры. Модернизм, это судьбоносное художественное течение, авторитетные западные критики трактовали весьма красноречиво: «искусство лежит, обливаясь

кровью». Советские же искусствоведы видели в нем пресловутую обездушенность и античеловечность...

Дистанция времени показала, кто прав. Явочным порядком выпускник Белградской Академии художеств 1986 года Божидар Милович и по сегодняшний день остается модернистом, хотя на дворе уже давно стоит индифферентно-компромисс-

ный постмодернизм. Перед нами художник неугасимого трагедийного накала, способный брать на себя, принимая близко к сердцу, чужую боль. Такое качество души – поистине Божий дар, наделяются им Господом, в первую очередь, как видно, именно художники и поэты...

Божидар Милович посвятил свою нынешнюю выставку жертвам сталинских репрессий в СССР. Не называя страны (тактичный иностранец!), он назвал свой проект загадочно-нейтрально: «Свихнувшееся пространство», хотя яснее ясного, что дело происходит на конкретном пространстве, известном как «шестая часть земли с названьем кратким Русь». Этот эзоповский прием напоминает нам характеристику того же репрессивного лихолетья Михаилом Булгаковым в «Мастере и Маргарите»: «позиции мнимые, смещенные...».

На выставке нет льющейся крови, но память доносит до нас воспоминание об обостренном, буквально магическом чувстве цвета у этого художника. У меня до сих пор стоит в глазах красный цвет на его женских портретах-фантамах, играющий всеми нюансами рубиновой гаммы.

А на нынешней его выставке уже у зрителя сердце обливается кровью, настолько пронзительна (от глагола *пронзать*) воссозданная художником-иностранцем наша тяжкая историческая память, которой суждено стать вечной...

На стекла Вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Пускай мгновения стекает муть,
Узора милого не зачеркнуть,

– писал гениальный Мандельштам, являющийся одним из персональных фигурантов вернисажа. Этот великомученик ГУЛАГа улыбается нам неотразимо милой (используем эпитет самого поэта) улыбкой. Хотя этот портрет писался с опубликованной совсем недавно фотографии, несущей в себе заряд тревоги и как бы провидение безвременного конца, художник трансформировал фотографию (как, впрочем, это всегда делается, когда живописцы используют фотоматериал, это не возбраняется, а в данном случае это было неотвратимой необходимостью – как же иначе писать ушедших?). Но Мандельштам, так же, как и Бабель, и другие жертвы преступного режима, смотрит на нас светло, более того – просветленно (это надо видеть!).

Божидар Милович, видимо, хотел создать (и добился этого!) особую ауру выставки, которую нельзя назвать иначе как популярным эстетическим термином – катарсис, что значит, упрощенно говоря, очищение души и своей, и зрителя страданием и состраданием... Выставка отличается духовной наполненностью (амплифицированностью – термин введен К. Юнгом), это противоположность «пустотности», столь ценимой в восточном искусстве. Перед нами европейский художник, более того, безусловно выдающийся представитель европейской (а не просто и не только славянской) культуры, которой «дал духовную форму иудео-христианский фермент», по Тейяру де Шардену – знаме-

нитоному теологу и ученому в одном лице. Так что художественная масштабность выставки оказывается просто-таки зашкаливающей высотой и емкой, для нас даже не совсем привычной.

Гражданин мира Божидар Милович доносит до украинского зрителя свою гражданскую скорбь по поводу того, что произошло, казалось бы, в чужой для него стране. Но нет! Эта страна волею судьбы вошла не только в биографию художника, но и в его, как говорится, плоть и кровь. На открытии вернисажа говорилось о том, насколько же Божко (уменьшительное от Божидара) «наш» и «свой». Он «свой» и среди тех, кого изображает с такой проникновенной поэтичностью, – людей Закона Божьего, боящихся отступить от него хотя бы на йоту: здесь и старики, и дети, читающие Тору, эзотерическое священное писание иудеев. Сам Божко изображает себя великовозрастным «учеником» – он тоже намерен освоить этот кладезь мудрости. Оно и понятно, он предуготовлен к этому своими генами, ибо рожден женщиной-еврейкой, красивой, как библейская пророчица. Ее портрет центрирует выставку – этого нельзя не заметить, хотя портрет экспонируется в углу зала, являющегося началом выставки, эта позиция называется «во главе угла» и относится ко всей выставке в целом.

Подытожить все сказанное хочется стихами одессита, ныне проживающего в Израиле, Исаяи Авербуха:

Хоть и изувечен, скомкан и распят,
Вечен, вечен, вечен на земле талант!

